

Изучение ремесленного квартала Байлакана уже сейчас дает возможность установить непрерывность гончарного ремесла с VIII по XIII в. и выявить остатки кузнечного производства в XII—XIII вв. Наличие системы водоснабжения в ремесленном квартале, созданной в IX в. для нужд гончарных и других мастерских, указывает на то, что здесь производство носило не временный, а постоянный характер, рассчитанный на сбыт продукции не только в городе, но и за его пределами. О стабильности гончарного ремесла говорят надписи с именами мастеров на глиняной посуде, причем мастерство, как показывают эти надписи, передавалось от одного поколения к другому. Помимо имен мастеров Фадлуна и его сына Ахмеда, известно также около десятка имен мастеров по надписям на глазурованных чашах также местного производства. Эти данные значительно расширяют имеющиеся сведения о зодчих, строителях, мастерах архитектурного декора и художественного ремесла средневекового Азербайджана³¹. Следы кузнечного, медно-литейного и ювелирного ремесел настойчиво требуют дальнейших работ по изучению окраин города Байлакана и жилой его части за пределами цитадели. Именно в этих районах города, условно названного нами «большим», очевидно, селились ремесленники, составлявшие трудовое население феодального города Байлакана.

С. В. КИСЕЛЕВ

ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЗАБАЙКАЛЬЯ

Археологические исследования в МНР, осуществленные в послевоенные годы монгольскими и советскими учеными, показали, что прежние представления об этой части Центральной Азии как о районе многотысячелетнего безраздельного господства кочевничества пущаются в серьезные поправки. Выявленные 240 пунктов долговременных земледельческих поселений, крепостей, замков и городов показывают, что оседлость существовала там издавна и что, несмотря на все своеобразие местных условий при преимущественном распространении кочевого скотоводческого хозяйства, все же закономерности общественного процесса, характерные для развития феодализма, проявились и в Центральной Азии. Возникновение средневековых городов является особенно наглядным тому доказательством¹.

В этой связи представилось необходимым изучить те северные окраины центральноазиатской ойкумены, которые находятся в пределах СССР. С этой целью еще в 1947 г. были произведены первые обследования в Тувинской автономной области, давшие первые сведения о наличии в бассейне Верхнего Енисея средневековых укрепленных поселений². В настоящее время благодаря систематическим работам Л. Р. Кызласова изучен в верховьях Элегеста обширный город киданьской эпохи и открыт к северу от Танну-Олы ряд городов и крепостей уйгурского и киданьского времени. Наличие укрепленных городищ — центров ремесла, торговли и земледелия, — относящихся еще к гуннскому времени, блестяще подтвердили многолетние исследования Г. П. Сосновского, А. П. Окладников и А. В. Давыдовой на Нижне-Иволгинском городище в Бурятской АССР³. Оставался неясным обширный район южной части Читинской области, откуда имелись лишь весьма ограниченные сведения⁴. Поэтому в ИИМК АН СССР было решено направить туда в 1957 г. отряды Монгольской археологической экспедиции с целью выяснения вопроса о

¹ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 91—101; Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 43—53.

² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 120—127.

³ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1939, № 7—8. А. П. Окладников. Работы Бурято-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 40—47; История Бурято-Монгольской АССР, т. I, изд. 2. Улан-Уде, 1954, стр. 30—36; А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Зап. БМНИИМК, вып. XIII—XIV. Улан-Удэ, 1952; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, стр. 261—370.

⁴ М. А. Зензинов. Буряты. Русский вестник, 1842, апрель; Г. Спасский. О достопримечательнейших памятниках Сибирской древности. Зап. РГО, 1857, кн. XII; А. Павлуцкий. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих близ Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского Горного округа. Зап. Сибирск. Отд. РГО, 1867, кн. IX и X, отд. II; Нестеров. Могила Кара-Баяна. Изв. Сибирск. отд. РГО, т. XVI, № 1—3, 1885; А. К. Кузнецов. Развалины Коудуйского городка и его окрестности. Зап. Забайкальск. отд. РГО, вып. XVI. Владивосток, 1925; А. П. Окладников. Ук. соч. стр. 46—47, рис. 21.

³¹ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. Искусство Азербайджана, т. V, Баку, 1956

наличии мест оседлости и городских поселений. В этих работах приняли также участие Читинский музей и Читинский педагогический институт. Обследования, проведенные отрядами экспедиции, показали, что и на этой окраине Центральной Азии обнаруживаются те же явления, которые имели место и в более южных и западных ее районах.

Если охарактеризовывать открытые памятники в их хронологической последовательности, то прежде всего нужно остановиться на городе, расположенном на правом берегу ручья Коктуй, около дороги, идущей от рудника Абагайтуй к ст. Отпор и Мацневской (развилка дороги к этим

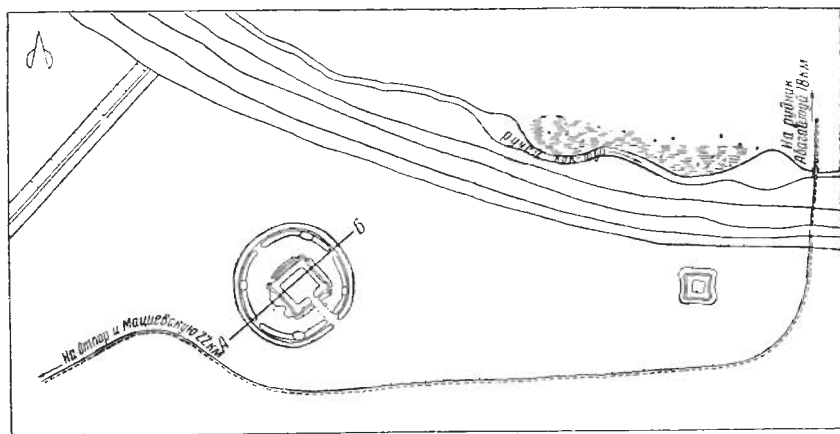

Рис. 1. План Коктуйского городища XII в.

станциям находится от городища километрах в двух к юго-западу). Город находится в 175 м к юго-востоку от проходящего здесь с юго-запада на северо-восток так называемого «Вала Чингис-хана» (рис. 1). Коктуйский город обнесен по кругу рвом и стеной, превратившейся теперь в широко расплывшийся вал. Ширина рва — 9 м, глубина — 1 м. Ширина вала — 8 м и высота — 1,5 м. В четырех местах вал несколько расширяется и повышается. Очевидно, здесь были четыре башни внешней обороны города. С восточной стороны во внешней круглой стене города имеется перерыв в валу; очевидно, это следы ворот, но без каких-либо признаков надвратных укреплений. В этом месте наблюдается перерыв и у рва, отвечающий проему ворот. Вал имеет еще три других проема на юго-западе и северо-западе. Однако ров там не прерывается. Очевидно, в этих местах были калитки, служившие для выхода обороняющихся на уступ, идущий вдоль внешней стороны вала над рвом. Диаметр площади круглого городища внутри вала — 93—95 м. Всю центральную часть городища занимает окруженная рвом квадратная цитадель, от стен которой сохранился вал высотой до 2 м, шириной до 10 м. По углам вала цитадели, ориентированным по странам света, заметны выступы башен. Посередине юго-восточной стены имеется проем ворот шириной 9 м; ему соответствует перерыв рва. От этих ворот цитадели и до ворот во внешней круглой стене города идет возвышение; по-видимому, это остаток полотна дороги. С северо-восточной стороны этой дороги, в 10 м от ворот цитадели, имеется подквадратный холмик, возможно, от какого-то здания вроде караульного. Ни на территории внешнего города, ни на площади цитадели никаких следов других зданий не заметно. Однако находки мелких обломков серой черепицы и кирпича говорят о том, что какие-то постройки на Коктуйском городище были. Возможно, это были крытые черепицей деревянные каркасно-щитковые домики, до сих пор встречающиеся в монгольских городах и служащие летними жилищами горожан.

Ограниченное время не позволило произвести шурфовки Коктуйского городища. Однако собранный на его площади подъемный материал оказался весьма выразительным. Здесь были найдены главным образом обломки серой глиняной посуды со штампованным орнаментом в виде мелких четырехугольных штриховых углублений, нанесенных роликовым штампом (рис. 2). Керамика эта полностью совпадает с керамикой, найденной на городищах XI—XII вв. в Монголии, таких, как Зуун-хэрэм, Чин-Тологой и Ходасан⁵. Все эти городища представляют собой остатки

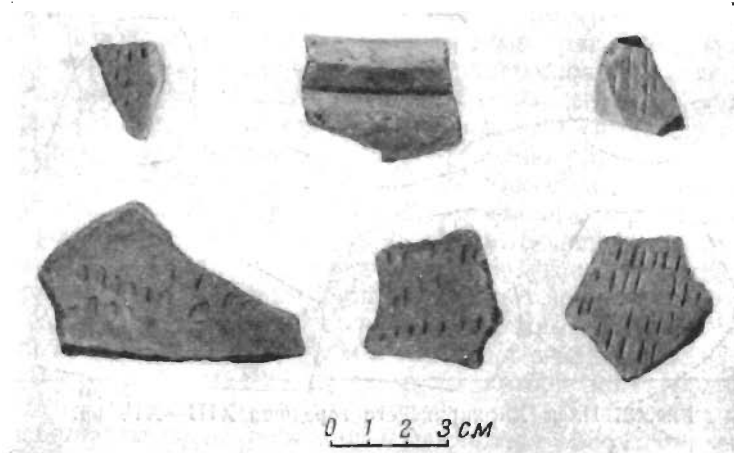

Рис. 2. Керамика Коктуйского городища

городов, возникших в Монголии после вытеснения кыргызов силами киданей, поддержанных местным населением и, прежде всего, уйгурами — жителями старых, разрушенных кыргызами городов IX в. Таким образом, город у ручья Коктуй оказывается весьма важным памятником. Он свидетельствует о том, что возрождение городской жизни, которое произошло в северной части Центральной Азии в XI—XII вв., одинаково характерно и для Халхи, и для Северо-Восточной Даурии и для Тувы, где, как уже говорилось выше, Л. Р. Кызласов обнаружил развалины крупного города XII в. Эпоха, предшествовавшая сложению древнемонгольского государства Чингисхана, была для этой части Центральной Азии временем особенно большого градостроительства, развития городов — центров ремесла и торговли. Это необходимо учитывать при исследовании сложных процессов развития феодальных отношений, приведших к образованию государства Чингизидов.

Значительность роли города в истории древнемонгольского государства была показана исследованиями Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и КН МНР развалин столицы империи Каракорума, а также недавними раскопками монгольских археологов в крепости Тогон-Тимура, Барс-Хот и в ряде других мест⁶.

Теперь можно сказать, что даже на окраине монгольского мира, какой была в свое время южная часть Читинской области, также возникали в XIII—XIV вв. города и замки. Очевидно, здесь была историческая преемственность и внутренняя закономерность.

В этой связи прежде всего нужно остановиться на развалинах большого города, расположенных на левом берегу р. Урулюнгуи, у впадения

⁵ С. В. Киселев. Ук. соч., рис. 2 и 3; Х. Пэрлээ. Ук. соч., рис. 5.

⁶ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 97—101; Х. Пэрлээ. Ук. соч., стр. 49—50.

в нее р. Хир-Хира (в настоящее время до Урулюнгуя не доходит, иссякая в 2 км к северу).

Развалины Хирхирина (рис. 3) занимают пространство с востока на запад — 1500 м и с севера на юг — до 300 м. Таким образом, их площадь достигает 450000 м². Этот город состоял из ряда укрепленных замков, располагавшихся к западу и востоку от цитадели. Возле каждого замка группировались постройки рядового населения. К северу от цитадели дома горожан особенно многочисленны. Замечательно, что Хирхири-

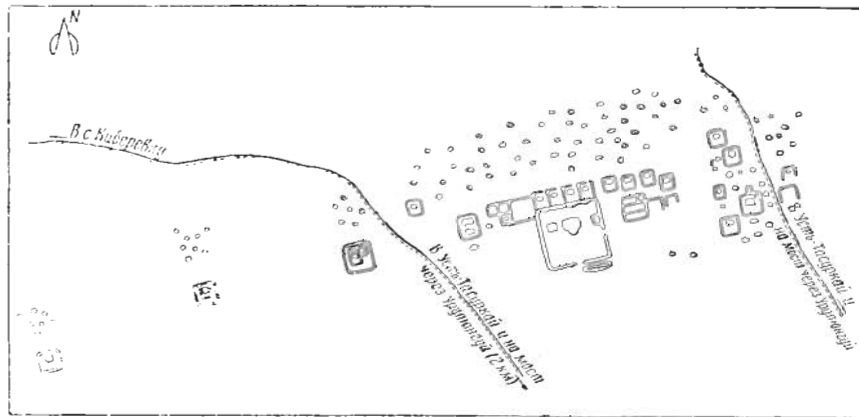

Рис. 3. План Хирхирина XIII—XIV вв.

ский город не был обнесен какой-либо общей стеной. Очевидно, он строился в ту эпоху могущества древнемонгольского государства, когда внешние укрепления городов были не нужны, когда и столица монголов Каракорум была окружена лишь легкой стеной, вероятно всего таможенного, а не военного значения.

Цитадель Хирхирина (расположенная между двумя дорогами, идущими из с. Усть-Тасуркай в с. Киберевку и на поля в низовьях р. Хир-Хиры) представляет собой почти правильный квадрат, ориентированный сторонами на северо-северо-запад, восток-северо-восток, юго-юго-восток и запад-юго-запад. Укрепления цитадели, по-видимому, состояли из глинобитных стен, в настоящее время сохранившихся в виде вала высотой до 2 м и шириной до 15 м. Стороны вала равны 100—110 м. Посередине восточной и южной сторон вала ясно видны проемы — ворот шириной до 20 м. Никаких внешних признаков надвратных сооружений здесь не заметно. Ров, возможно, некогда окружал цитадель, однако ясная его впадина сохранилась лишь у восточной половины южной стены. Может быть, ров был засыпан, когда с северной стороны к цитадели были пристроены какие-то дворы, окруженные невысокими дувалами с небольшой постройкой в каждом. Тогда же к северо-западному углу примкнул сложный комплекс дворики (а может быть, и садов). Лишь в одном из них соорудили при этом небольшой домик⁷. В какой-то связи с сооружением северных дворов стоят и изменения в конфигурации внутренней стороны северной стены цитадели. Изнутри к ней были пристроены пять каких-то выступов, три из которых точно совпадают с тремя двориками. Для более ясного определения здесь, конечно, нужны раскопки. Возле восточных ворот цитадели к северной части ее восточной стены изнутри пристроено какое-то квадратное помещение, может быть служившее ка-

⁷ Эти участки можно считать садами благодаря их близости к садам, примыкающим с востока к крепости уйгурского Харабалгаса на р. Орхоне (см. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 93).

раульней. Посередине цитадели, несколько ближе к ее северной стене, возвышается на 2 м подчетыреугольный холм с полого спускающимся к югу выступом (несомненно, остатком лестницы, некогда ведшей наверх). Там, на вершине платформы, стояло главное здание цитадели — дворец правителя города. Пуска об этом здании можно сказать лишь, что оно было деревянным (каркасно-щитовым), крытым неглазурованной черепицей. Каких-либо остатков каменных или кирпичных стен на холме не видно. Между этим главным холмом и западной стеной виден еще один подквадратный холмик, на котором, очевидно, стояло небольшое здание. Вся остальная площадь цитадели не имеет следов постоянных построек. Однако значительное количество найденных здесь прямо на поверхности почвы черепков и обломков чугунных изделий позволяет предполагать, что на дворе цитадели могли стоять юрты дворцовых кухонь, слуг и воинов.

Метрах в пятидесяти к востоку от цитадели, к северу от ее ворот, заметна сложная решетка валиков от невысоких стен (по-видимому, также остатков оград садовых участков). Они особенно близки к регулярным садам уйгурского Харабалгаса. Остальные обнесенные стенами (теперь валами) участки явно представляют собой отдельные укрепленные усадьбы. Особенно много их к востоку от цитадели. Большинство из них подквадратные — 30×30 или 40×40 м с подчетыреугольным холмом от здания в северной половине. Только одна из них, находящаяся возле полевой дороги из Усть-Тасуркай, отличается более сложным планом. У нее есть квадратный выступ вала к северу и квадратная ограда в северо-восточном углу. Вокруг этих маленьких «замков» разбросаны небольшие холмики — остатки некогда стоявших здесь хижин. На площади «замков», хотя и в небольшом числе, постоянно встречаются обломки черепицы. На холмиках вне «замков» их крайне мало. Это заставляет думать, что кровлей последних служила кора, тонко наколотые дощечки, солома или камыш, смазанный глиной.

К западу от цитадели «замки» располагаются уже не кучно, как на востоке, а в одну линию и далеко друг от друга (расстояние между ними 170—400 м). Холмики от мелких домиков также не покрывают сплошной площади, а располагаются отдельными группами к северу от каждого «замка». Создается впечатление, что западная часть Хирхирина — это район более новый, где еще не образовалось сплошной застройки. Зато «замки» здесь более крупные и в плане более сложные, чем на востоке. Два из них помимо внешних стен имеют внутренние стены, окружающие стоявшие внутри здания. Таких построек две-три. Высота стен, судя по размерам валов, здесь была значительно большей, чем в восточной части городища, и приближалась к стенам цитадели. Эти «замки» образовывали целую линию укреплений, как бы выдвинутую далеко на запад. Назначение западных укрепленных усадеб, конечно, можно будет разгадать лишь при помощи раскопок. Однако тот факт, что на них, так же как и на цитадели и на всей остальной площади Хирхирина, в большом количестве присутствует подъемный материал (обломки посуды, чугунных котлов и других бытовых предметов), ясно показывает, что и здесь была ключом повседневная жизнь большого города.

Весь этот город принадлежит к одному времени. Об этом прямо говорит единство находок, собранных нашей экспедицией во время осмотра территории Хирхирина. Помимо всюду одинаковой темной поливной черепицы с отпечатками ткани на выпуклой стороне, везде находились обломки темно-серых глиняных горшков, расписных сосудов типа Цычжоу, голубых чаш Цзюнь-Яо и крупных сосудов, покрытых темно-коричневой поливой. Найдены также отдельные обломки сладоновых чаш. В одном месте, в северо-западном углу стены «замка», расположенного южнее остальных, около полевой дороги, оказались обломки почти целого крупного сосуда с темно-коричневой поливой (рис. 4). В ряде мест найдены обломки чугунных котлов и куски перламутровых раковин.

Все эти находки целиком совпадают с найденными при раскопках Каракорума Монгольской историко-этнографической экспедицией в 1948—1949 гг. Сходство большинства предметов столь велико, что их нельзя отличить от каракорумских. Особенностью Хирхиринаского комплекса является лишь то, что в нем отсутствуют позднейшие находки, характеризующие в Каракоруме слои XV—XIX вв. и относящиеся к периоду упадка бывшей столицы Чингизидов и росту монастыря Эрдени-Цзу. Это позво-

Рис. 4. Керамика Хирхиринаского городища

ляет утверждать, что Хирхиринаский город существовал только в XIII—XIV вв. и не пережил, как и большинство древнемонгольских городов Халхи, эпохи Юаньской империи. Вероятнее всего, он был разрушен во времена упадка древнемонгольского государства. Однако самое его существование в XIII—XIV вв. на далекой северо-восточной окраине государства Чингизидов особенно ясно показывает неизбежность наличия городской жизни в условиях развивающегося феодального строя, даже при преобладании кочевого скотоводческого хозяйства. В Хирхиринаском городище выражены особенности именно раннефеодального города, представляющего собой целый комплекс небольших замков мелких феодальных владельцев, часто, может быть, и враждебных друг другу, но все же группирующихся вокруг городской цитадели, городского рынка и ремесла.

Весьма важен вопрос — кому принадлежала Хирхиринаская цитадель. А. К. Кузнецов, положивший немало сил на изучение древностей долины Урулюнгуя, в своей неоднократно упоминавшейся работе 1925 г. сделал одно очень важное замечание по поводу того, где стояла известная каменная плита с надписью 1225 г. в честь Исунке (племянника Чингисхана), перевезенная в 1832 г. из Нерчинского завода в Эрмитаж. «На основании моих расспросов на месте, — пишет А. К. Кузнецов, — теперь можно безошибочно утверждать, что плита вывезена управляющим рудником Чевкиным в 1830 г. из Киркиринаского городка в Нерчинский завод»⁸. Таким образом, Хирхиринаский город следует считать резиденцией одного из ближайших родственников Чингисхана, которому, очевидно, и была выделена в управление южная часть современной Читинской области, так как там, на Ононе, Чингисхан родился и провел свое раннее детство⁹.

Третий объект работ Монгольской экспедиции 1957 г. вводит нас в жизнь древнемонгольской аристократии, знатнейшие представители которой уже бросали старые многорешетчатые юрты, по-новому устроявая свой быт.

«Кондуйский городок» неоднократно описан в историко-археологической литературе. Однако даже подробное описание этого памятника, произведенное А. К. Кузнецовым, посетившим в 1889 г. Кондуй, страдает многими неточностями, а его интерпретация развалин, и, прежде всего, главного здания, не более достоверна, чем предположения обследовавшего этот памятник в 1867 г. инженера А. Павлуцкого¹⁰. Впрочем, эти неудачи вполне объяснимы, если принять во внимание ограниченный объем раскопок обоих исследователей, явно несоизмеримый со сложной структурой грандиозного сооружения, скрытого на главном холме кондуйских развалин. Поэтому представляется целесообразным привести здесь описание всего комплекса кондуйских сооружений и дать их интерпретацию на основе обширных раскопок 1957—1958 гг.

Кондуйские развалины резко отличаются от хирхиринаских (рис. 5). Если там перед исследователем предстает сложный комплекс строений, группирующихся около цитадели, то здесь основной архитектурный ансамбль составляет дворец, обширный двор перед которым ограничен с юга остатками входных ворот, а с запада и востока — парными павильонами. С севера площадь главной усадьбы отграничивают остатки трех павильонов, расположенных по линии запад — восток. Кроме того, к северо-западу и северо-востоку от дворца имеются остатки более мелких строений, а к востоку от дворца прослеживается некогда облицованный камнем бассейн. Вполне возможно, что в этот бассейн поступала вода из канала,

⁸ А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 56; Надпись Исунке в переводе Доржи Банзарова: «Когда Чингисхан после нашествия на народ Сартагуль возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сечугае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов Хондагорских» (Доржи Банзаров. Объяснение Монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана. Собрание сочинений, М., 1955, стр. 199—200).

⁹ В 1957 г. нам удалось разыскать урочище «Делюн-Болдок», в котором, согласно Рашид-Эддину и «Сокровенному сказанию», жена Есугайбогатура Хоэлунь родила Темучина. Урочище находится на правом берегу р. Онон, в 5 км выше с. Верхний Цасучей Ононского района Читинской области (ср. В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. Труды Вост. отд. Археологич. общества, ч. IV, СПб., 1859, стр. 140).

¹⁰ А. Павлуцкий считал, что главное здание кондуйских развалин является кумирней, в которой на гранитных постаментах были расставлены гранитные же идолы (ср. А. Павлуцкий. Ук. соч., стр. 490 и сл.). А. К. Кузнецов также признает его кумирней, каменные изваяния с изображением драконов считает идолами, а в массивных гранитных постаментах с цилиндрическими выступами видит «седалища для лам». Между тем, как показали наши раскопки, так называемые идолы являются украшениями балюстрад, а гранитные постаменты служили базами деревянных колонн, поддерживавших всю сложную композицию стен и тяжелой черепичной кровли. Эти исследователи не задавались даже вопросом об архитектурной конструкции здания, многотонная крыша которого, если исходить из их объяснений, просто висела бы в воздухе, ни на что не опираясь (ср. А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 36).

шедшего из р. Кондуй. Его трасса могла совпадать с ныне заброшенным, но действовавшим еще в прошлом веке арыком, который поддерживали кондуйские казаки. Остальные постройки кондуйского комплекса планировкой мало связаны с основной усадьбой. Только небольшой ансамбль построек, в котором можно угадывать ворота, два боковых павильона и главное здание, находящееся в 100 м к северу от дворцовой усадьбы может быть, как-то с ней связан, поскольку его планировочная ось совпадает с осью разбивки дворца и окружающих его построек.

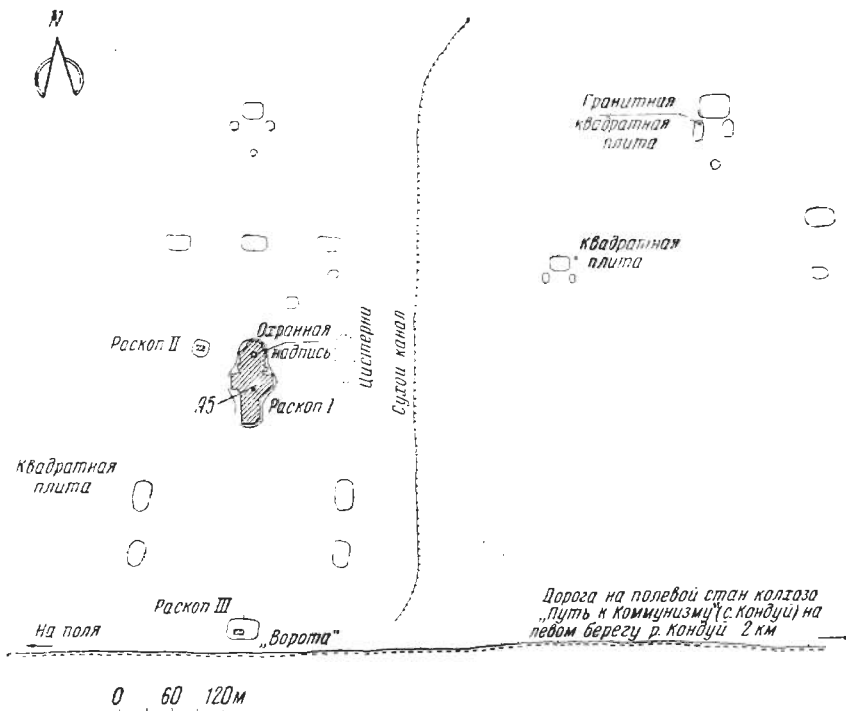

Рис. 5. План развалин дворцового комплекса у с. Кондуй XIV в.

Остатки всех найденных зданий дошли до нас в виде холмов подчетырехугольной усеченно-пирамидальной формы. Высота большинства из них колеблется от 1 до 1,5 м. Исключение составляет лишь холм дворца, достигающий 2,5 м высоты. Все холмы (пока судя по раскопкам двух из них) представляют то же, что и центральный холм. Они являются прежде всего искусственными платформами, на возвышении которых сооружались здания. Уже эта особенность заставляет видеть в кондуйских зданиях сооружения, аналогичные тем, которые были исследованы Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и КН МНР в комплексе построек дворца Угэдэя в Каракоруме в 1949 г.¹¹

Это сходство особенно подтверждается данными, полученными от раскопок на главном Кондуйском холме¹². Этот холм, имеющий с севера на юг свыше 100 м и с запада на восток до 60 м, всех побывавших на нем привлекал не только своими размерами, но и особенностями плана, который в упрощенном виде представлялся некоторым исследователям как почти правильный крест. Заинтриговывали также проступавшие на его поверхность массивные гранитные блоки с цилиндрическими выступами по верху и различные гранитные квадратные плиты, некоторые с квад-

¹¹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 97—101.

¹² Здесь, в соответствии с темой статьи, лишь вкратце сообщаются результаты раскопок главного Кондуйского холма. Детальное описание и опыт реконструкции готовятся автором для опубликования отдельно.

ратным сквозным отверстием в центре или с наклонно углубленным четырехугольным пазом. Наконец, особое внимание уделялось гранитным изваяниям, в которых видели идолов, бурханов, отличали их по «форме головных украшений, драпировок одежды, выпуклости груди и т. п.»¹³, но никто, включая и А. К. Кузнецова, не смог разгадать их истинного назначения.

Нам удалось уже в 1957 г. почти целиком исследовать главный Кондуйский холм, вскрыв 2500 м². Выяснилось, что его верхний горизонт на глубину 0,4—0,7 м и все его склоны на еще более значительную толщину представляют собой остатки поливной черепичной кровли, каменной забутовки и кирпичной облицовки стен и подпорных стенок террас, окружавших здание, а также раздробленных глазурованных рельефов, некогда украшавших стены снаружи. Все это сильно фрагментировано и перемешано как кондуйскими казаками во время добычи строительных материалов для сооружения местной церкви, так и бурятами, достававшими камень для ремонта Цугульского дацана.

После снятия толщи этих строительных остатков, произведенного по-квадратно и послойно до уровня пола, представилось возможным по сохранившимся нетронутым фрагментам сооружения уяснить себе многие его архитектурные особенности. При этом, как и при изучении планировки всего ансамбля зданий, выявилось как общее сходство, так и различия в деталях Кондуйского дворца с дворцом Угэдэя в Каракоруме.

Прежде всего удалось установить, что почти двухметровая платформа, на которой воздвигался дворец, была сооружена теми же приемами, что и платформа дворца Угэдэя. Отличие заключалось лишь в том, что платформа дворца Угэдэя состояла из прослоек супеси и плотно набитой глины, а первоначальная часть платформы Кондуйского дворца — из прослоек суглинка и мелкого колотого камня. Зато внешнее оформление кондуйской платформы было гораздо сложнее каракорумской. Там она завершалась по сторонам простыми откосами. В Кондуйе же платформа была уступчатой. Отвесная стенка высотой до 1 м образовывала первую, шедшую вокруг всего здания террасу, шириной до 3 м, выстланную квадратными кирпичами 30 × 30 см. Отвесная бутовая стенка, облицованная серым кирпичом, поднимаясь на 70—80 см, образовывала вторую террасу уже на уровне пола дворца. Обе террасы украшала покрытая красным лаком деревянная балюстрада, столбики которой были укреплены в квадратных пазах специальных гранитных плит. Кроме того, по нижней террасе, выступая личинами наружу, были расставлены гранитные изваяния, изображающие морды драконов, кабановидных и с рогами лани (рис. 6). Они весьма напоминают тех чудовищ, мраморные изваяния которых украшают террасы пекинского дворца¹⁴. Нам удалось найти 17 целых и 11 фрагментированных изваяний, лежавших у основания нижней террасы. Местный житель А. Эпов нашел два, из которых одно передано в Нерчинский музей. Два еще в 40-х годах прошлого столетия были отправлены в Петербург, и 64 каменных изваяния вделаны в стены Кондуйского храма¹⁵. Таким образом, всего сейчас известно 96 драконовидных изваяний. Изучая их, можно установить, как они были расположены относительно балюстрады нижней террасы. Большинство из них были положены перпендикулярно ее линии так, что в прямоугольный вырез, имеющийся у их задней половины, входит нижний брус балюстрады. Расстояние между ними было примерно 2 м. Но были, так же как и у пекинских дворцовых балюстрад, и угловые чудовища, располагавшиеся в вершине внеш-

¹³ А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22, 23.

¹⁴ Eva Siao. Peking. Dresden, 1956, Taf. «Weisser Marmor leuchtet in der Sonne». Альбом видов Пекина. Пекин, 1957, рис.: «Каменная скульптура» и «перила из драгоценного камня у зала Баохэ в Гугуне». Это те самые изваяния, в которых А. Павлуцкий и А. Кузнецов видели идолов.

¹⁵ А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22 и 26, табл. IV и V.

него угла террасы. Так как в них укреплялся уже не брус, а угловой столбик балюстрады, они в задней половине имели не вырез, а квадратный паз, высеченный углами по основным осям изваяния. Два таких камня, длиной в 1,2 м, вделаны в стену Кондуйского храма по обеим сторонам западного входа¹⁶.

Балюстрада нижней террасы с ее яркой окраской, сложным, вероятно ажурным, рисунком деревянных частей и выступающими из-под нее драконовидными химерами имела и живописный, и в то же время устрашающий путника вид.

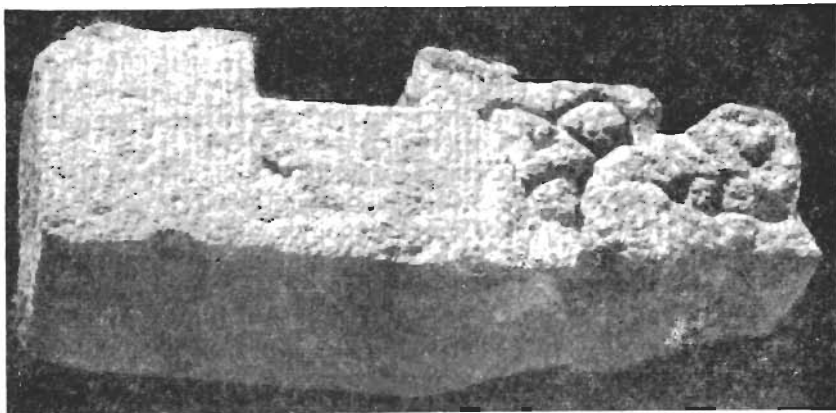

Рис. 6. Гранитное изваяние дракона, украшавшее балюстраду нижней террасы дворца в Кондуде

На платформу дворца Угэдэя вела всего одна лестница с юга, со стороны ворот. В Кондуде лестницы были заменены выстланными кирпичом пологими пандусами, огражденными балюстрадой. Каждый пандус состоял из двух маршей. Один вел на первую террасу, второй приводил на верхнюю площадку. Таких пандусов мы обнаружили пять: южный, со стороны ворот, и по два с восточной и западной сторон дворца. Следует отметить, что с северной стороны ни при первоначальной постройке дворца, ни при осуществлении позднейшей перестройки никаких лестниц, а следовательно, и выходов построено не было. С юга на платформе, сейчас же за верхним маршем пандуса, располагалась обширная передняя открытая терраса шириной 13 м и глубиной (до стены дворца) 13 м. Затем начинался аванзал, длиной с юга на север 16,5 м. Его стены, как и стены других помещений дворца, в нижней части состояли из забутовки и кирпичной облицовки. В толще стены скрывались вертикальные деревянные колонны, на которые и опиралась вся конструкция перекрытия. Пространство между этими опорами в верхней части стен, вероятно, было забрано деревянными щитами с окнами, чтобы обычно для старинных китайских зданий. Внутри аванзал был трехнефным, так как на некотором расстоянии от его наружных стен стояли деревянные колонны, поддерживавшие центральную часть перекрытия. Колонны опирались на массивные гранитные блоки, в верхней части которых была высечена цилиндрическая база. Расстояние между колоннами аванзала по ширине, очевидно, равнялось 5 м; что касается расстояний по длине, то это остается неизвестным, так как все базы, кроме одной, в этой части дворца были вывезены казаками в Кондуй, где в основание стен храма и в пол его вделано 18 массивных гранитных блоков. Весь аванзал, как и другие части двор-

¹⁶ Один из них крайне неточно изображен на табл. V работы А. К. Кузнецова. Однако и на этом рисунке ясно видно особое расположение квадратного паза.

ца, был вымощен хорошо отполированными серыми квадратными кирпичами, и вдоль стен был выведен кирпичный плинтус.

Аванзал приводил к основной части дворца¹⁷, где было установлено 20 колонн, образующих шесть боковых нефов и центральный зал примерно в 131 м². На запад и восток из этой части дворца вели двухмаршевые пандусы. Колонны и здесь опирались на массивные гранитные опоры, врытые в толщу платформы и до сих пор поражающие точностью

Рис. 7. Рельефные поливные украшения колонн и узорчатая черепица кровли Кондуйского дворца

горизонтального положения верхней плоскости и почти полным единообразием высоты над горизонтом (колебания по нивелировке 3—5 см). Была ли эта часть дворца разгорожена на отдельные помещения деревянными перегородками, ширмами или занавесями, — вероятно, навсегда останется неизвестным. Можно только сказать, что изнутри эта часть

¹⁷ Размеры основной части дворца с запада на восток — 37 м, с севера на юг — 16 м. Размеры центрального зала — 12,5 × 10,5 м. Расстояния между колоннами в нефках — 2 и 4 м.

дворца была особенно богато украшена. Во многих местах встретились обломки богато окрашенной красками штукатурки. На одном фрагменте сохранились следы росписи по красному черным. Около гранитных баз колонн находились куски красного лака. Это заставляет вспомнить зафиксированный А. К. Кузнецовым рассказ буряты Башектуя о том, что при разборке кирпича, который он возил в Цугульский дацан, попадались деревянные столбы, обернутые грубой материей — дабой, «обмазанной замазкой»¹⁸. Это — обычный китайский прием строительства колонн, которые обшиваются рединой, шпаклюются и сверху покрываются блестящим красным лаком. Здесь же нашлись и глиняные глазурованные фигурки зверей, вероятно украшавшие колонны (рис. 7)¹⁹.

Центральную часть дворца, по-видимому, украшали также поставцы с парадной посудой. Во всяком случае, только здесь найдены обломки от прекрасных расписных сосудов типа Цычжоу, совершенно аналогичные тем, которые находились в Каракоруме.

Из центральной, парадной, части дворца более узкий проходной зал шириной 11 м и длиной 15 м вел в северные помещения. Из проходного зала на восток и запад имелись выходы к двухмаршевым пандусам.

Северная часть дворца первоначально представляла собой обширный зал шириной 16 м и длиной (с севера на юг) 10 м. Вероятно, этот зал также украшали колонны, однако их базы были вывезены в Кондуйский храм. Северная, задняя стена этого зала первоначально была глухой, очень массивной, сложенной из кирпича и бута. В толще и этой стены стояли деревянные опоры на массивных квадратных гранитных плитах. Снаружи вдоль этой стены также проходили террасы с балюстрадой, укрепленные на всем протяжении кирпичной стенкой.

В таком своем первоначальном виде Кондуйский дворец очень близко напоминал дворец Угэдэя, также состоявший из главного корпуса, проходной галереи и заднего жилого помещения, высланного для тепла деревянным полом.

Однако с течением времени Кондуйский дворец был перестроен. С севера к нему была досыпана новая часть платформы, состоящая из прослоек углистого суглинка и строительного щебня (обломков кирпича и черепицы). Эта гораздо менее прочная платформа перекрыла подпорную стенку прежней северной террасы, особенно хорошо сохранившуюся в ее рыхло-слоистой толще. При строительстве этой северной платформы, по-видимому, были сохранены старые формы — устроены террасы с балюстрадами, украшенными гранитными изваяниями драконовидных чудовищ. Но сделано все это было гораздо менее прочно и дошло до нас лишь в жалких обрушившихся остатках.

На новом участке платформы были воздвигнуты новые помещения. Для этого прежде всего проломали среднюю часть прежней задней стены дворца на ширину около 5 м от одного опорного столба до другого. От этого пролома на север вывели стены нового проходного зальца шириной в 4,5 м, которое вело в новое заднее помещение дворца, шириной 8 м и длиной с севера на юг до 7 м. Пол обоих новых помещений выстлали кирпичом того же размера, что и в основных залах дворца. Однако качество его было гораздо хуже; он быстро стирался и дошел до нас в виде почти слившейся вымостки. Худшего качества и более тонкой была кладка стен. Здесь также применялись опоры, колонны, но они тоньше, и меньших размеров были их гранитные базы. Но и эта облегченная постройка оказалась тяжелой для рыхлой северной части платформы. На ней видны следы осадки и обрушений.

Весь Кондуйский дворец покрывала узорчатая черепичная крыша зеленой и желтой расцветки. Крыша, вероятно, была многоярусной, соответ-

ственно различным высотам колонн, как это обычно и бывает в китайских постройках такой же парадной архитектуры. Крышу по коныкам украшали фигуры драконов и птиц, фрагменты которых найдены при раскопках. Особенно красочными были края кровель, украшенные узорчатыми сливами вогнутых черепиц и дисками полуцилиндрических черепиц, их перекрывающих. И сливы и диски сверкали разноцветными рельефными изображениями причудливо свившихся драконов (рис. 7). Многоярусные кровли Кондуйского дворца на фоне окрестных гор, несомненно, представляли яркое зрелище.

Так же яркие были и окружавшие дворец флигели и павильоны. Начатые раскопки одного из них (к западу от дворца — раскоп II) уже дали прекрасные образцы многокрасочной поливной кровельной черепицы. Находки на поверхности других холмов говорят о том же. Весь этот сверкающий красками ансамбль, по-видимому, погиб внезапно от пожара, следы которого встречаются постоянно при раскопках то в виде обугленных деревянных конструкций, то в виде ошлаковавшихся от жара обломков кирпича и черепицы. Нужно думать, что гибель Кондуйского дворца произошла в те смутные для монгольского государства годы XIV в., когда народно-освободительное движение против Юаньской династии в Китае, перекликаясь с аналогичной борьбой в Средней Азии и на Руси, привело к падению империи Чингизидов. Тогда пылали не только дворцы и города на окраинах Монголии, но был разрушен Каракорум и его знаменитый дворец Угэдэя. Сравнивая с ним Кондуйский дворец, приходится признать, что последний, наверное, был построен в более позднее время. За это говорят гораздо более изысканные формы его планировки и украшения сравнительно с большей простотой первого дворцового здания Монголии 30-х годов XIII в.

Если от Каракорумского дворца веет суровостью военной империи, то дворец в Кондуйе говорит об изнеженной жизни монгольских феодалов в эпоху Юань. Эти сравнения, убеждающие нас в более позднем времени сооружения Кондуйского дворца, еще раз подтверждают, что стела племянника Чингиса Исунке действительно стояла в Хирхиринском городе, который возник в более раннее время, когда, по-видимому, на месте будущего Кондуйского дворца была еще нетронутая цветущая Урулюн-гуйская степь.

Таковы наши первые результаты изучения «городского вопроса» на северо-восточной окраине центральноазиатских пространств. Они убедительно показывают, что возникновение городов и замков было широко распространенным явлением в определенные периоды сложения и развития феодальных государств в этой части Азии. Дальнейшие археологические и источниковедческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центральноазиатского феодализма, который и в интересующей нас области едва ли можно теперь считать только кочевым.

¹⁸ А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26.

¹⁹ Тот же Башектуй отмечал, что куски колонн были обложены со всех сторон глиняными кружками с изображением зверей (см. А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26).